

III

8.

Особый журнал совета министров 18 февраля 1915 года *).

О главных началах будущего политического устройства Польского края.

Совет министров посвятил ряд заседаний обсуждению главных оснований предстоящего преобразования административного устройства земель, упомянутых в воззвании верховного главнокомандующего, и состоявшаяся по этому делу мемория совета министров, вместе с заявленным по нему 3 членами совета особым мнением, повергнута была председателем совета министров на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение. Вашему императорскому величеству благоугодно было упомянутую меморию совета министров передать великому князю Николаю Николаевичу, повелев ему представить по содержанию ее свое заключение. Начальник штаба верховного главнокомандующего сообщил председателю совета министров, что его императорское высочество в общем изволил разделить установленные советом министров в мемории положения, высказав при этом, что отдельные подробности этих положений и в частности организация местного управления требуют дальнейшего развития и, быть может, более определительного их выражения. За всем тем, его высочество нашел, что всесторонняя разработка вопроса явится задачей последующего, по завершении войны, времени и будет иметь законодательный характер.

Ваше императорское величество, после состоявшегося назначения генерал-лейтенанта князя Енгальчева варшавским

---

*) Дело канц. совета министров об устройстве Польского края и по его текущим делам, часть I, л. 74.

генерал-губернатором, соизволили признать своевременным удовлетворить горячие ожидания польского населения, услышавшего свисоты престола благоую вестъ о предположенных для него льготах. В соответствии с сим, ваше величество удостоили совет министров преподанием ему указаний вновѣ тщательно пересмотреть заключительную часть упомянутой выше мемории совета министров по польскому вопросу, дабы установить окончательно основные начала политическаго устройства будущаго Польскаго края, о коих затем могло быть польскому населению возвещено путем особаго акта, например, в виде всемилостивейшаго рескрипта варшавскому генерал-губернатору. Тем самым возникшему ныне так называемому польскому вопросу будет придана возможная при современных условиях определительность, а польское общественное мнение получит ясный ответ на его запросы о будущей судьбе Польскаго края.

Во исполнение таковых высочайших предуказаний совет министров, при участии варшавскаго генерал-губернатора, вновѣ обратился к внимательному соображению намеченных советом в октябрѣ и ноябрѣ минувшаго года главных оснований политическаго устройства будущаго Польскаго края.

Приступив к выполнению таковой задачи, совет считал необходимым, в целях выяснения допускаемых для Польскаго края особенностей и отличий в области государственнаго управления, предварительно установить, в чем выразится политическое единство Польскаго края с Россійскою имперіею. Провозглашение соответственных положений в имеющем последовать особом акте представляется весьма важным потому, что лишь этим способом может быть установлен предел для слишком далеко идущих вожделений некоторых польских политических кругов и партій.

В сем отношеніи совет министров считал необходимым определительно установить, что будущій Польскій край не должен имѣть чего-либо обособленнаго или отличнаго от имперіи в следующих отраслях государственнаго управления: армія и флот, международные сношенія, финансовое управление, пути сообщения, почта и телеграф и суд.

Переходя засим к обозрѣнію намеченных в мемории совета министров особенностей устройства управления Польским краем и останавливаясь ближайшим образом на отделе I,—свобода вероисповѣданій в краѣ,—совет счел полезным уточнить упоминаемое в сем отделе начало свободы катехизаціи, пояснив, что этим подразумевается предоставленіе католическому духовенству права наставлять

католическое юношество в основных началах католической веры как в церквах, так и в частных помещениях.

В связи с сим в среде совета министров был возбужден вопрос, не следует ли в будущем Польском крае предоставить католическому духовенству право прозелитизма. В самом деле, с точки зрения государственных интересов, едва ли настает какая-нибудь надобность препятствовать обращению в католичество лиц инославных и иноверных исповеданий. Напротив того, с точки зрения этих интересов и принимая во внимание, что католическая вера по своему строю и по догматам является из всех инославных исповеданий наиболее близкою к православию, надлежит признать даже предпочтительным присоединение к католичеству лютеран и протестантов, а тем более евреев. Однако, препятствием к этому служит действующий закон, в силу коего в пределах государства одна господствующая православная церковь имеет право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере, духовные же и светские лица прочих христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии (уст. ин. испов., ст. 4, по прод. 1912 г.).

Само собою разумеется при этом, что, предоставляя католическому духовенству право пропаганды, необходимо оградить от отпадения от своей веры лиц православного исповедания, оговорив, что по отношению к ним пропаганда католичества попрежнему должна быть воспрещена. Тем самым для православной веры будет сохранено присвоенное ей основными государственными законами значение первенствующей и господствующей (зак. осн., ст. 62).

Признавая всю важность сделанного заявления, совет министров считал весьма желательным, чтобы возбужденный вопрос был подвергнут дальнейшей разработке в подлежащих ведомствах.

Далее, по поводу пункта 3 того же отдела I, — отмена некоторых ограничений по открытию новых нештатных монастырей, — совет министров заметил, что одним из наиболее существенных ограничений является безусловное воспрещение приема в нештатные монастыри новичиев (уст. ин. исп. изд. 1906 г., ст. 189). Необходимость пересмотра вопроса о допущении приема новичиев в римско-католические монастыри губерний Царства Польского сознавалась еще бывшим комитетом министров, который полагал обсуждение сего вопроса поручить, в числе прочих, намеченных им,

образованному особому совещанию (особый журнал комитета министров 22 февраля и 1 марта 1905 года о порядке выполнения пункта VI именного высочайшего указа 12 декабря 1904 года). Однако, вопрос этот остался до сего времени неразрешенным. Соображение его должно ныне составить задачу министерства внутренних дел. Министерству надлежало бы, в связи с сим, пересмотреть также те ограничительные в отношении нештатных римско-католических монастырей мероприятия, которые последовали в административном порядке, и представить свои соображения о немедленной отмене тех распоряжений, кои должны быть признаны при современных условиях излишними.

По заявлению генерал-лейтенанта князя Енгальчева подобные распоряжения ограничительного свойства были изданы разновременно министерством внутренних дел по предметам также пунктов 5 и 6 рассматриваемого отдела, в отношении прав епископов по возведению храмов, часовен, подвижных престолов и прочее, а равно касательно условий приобретения, отчуждения и распоряжения церковными имуществами. Отмена излишних стеснений, порождаемых для католического духовенства таковыми административными мероприятиями, могла бы последовать в ближайшем будущем, не ожидая проведения прочих предусматриваемых по настоящему делу предположений.

Переходя к обсуждению отдела II заключения, — русский и польский язык в крае, — совет министров остановился на пункте 3 оного, в силу коего условием для назначения на все местные, судебные и административные должности в крае ставится знание польского языка.

В сем отношении совет заметил, что проведение в жизнь этого правила может встретить существенное затруднение, ибо далеко не все должностные лица русского происхождения в крае знакомы с польским языком, и представление к ним, в момент осуществления всего намеченного преобразования упомянутого требования, может привести к необходимости одновременно переменить почти весь контингент служащих в крае лиц русского происхождения. Для устранения этого неудобства необходимо оговорить, что введение обсуждаемого правила должно последовать в известной постепенности, с соблюдением некоторых, может быть, довольно продолжительных, сроков для отдельных учреждений и разрядов должностей в них.

Далее, по поводу пункта 5, допускающего употребление польского языка во всех общественных учреждениях и

местном самоуправлении, совет министров считал необходимым определительно пояснить, что на польском языке ведутся делопроизводство и прения, но, засим, все сношения как органов местного самоуправления, так и общественных учреждений (банков, страховых обществ, кредитных товариществ, благотворительных, торгово-промышленных и других общественных организаций) с правительственными властями должны вестись на общегосударственном языке.

При рассмотрении, засим, отдела III, — организации местного управления и самоуправления, — совет министров признал излишним оставление пункта 3, — полномочие наместника по замещению должностей в крае, — находя, что этот частный вопрос должен быть разрешен впоследствии, при разработке положения о наместничестве.

В заключение совет министров остановился на пункте 6 упомянутого отдела III, — введение городского самоуправления. По этому поводу генерал-лейтенант князь Енгалычев довел до сведения совета министров о том, что вашему императорскому величеству благоугодно было лично поручить ему передать совету министров высочайшее указание о желательности обсудить вопрос, не представляется ли целесообразным ныне же провести в чрезвычайном порядке, статьею 87 основных государственных законов установленном, законопроект о преобразовании городского управления в губерниях Царства Польского.

Со своей стороны, совет министров принял во внимание, что проект реформы городского управления в Привислинском крае был внесен в законодательные учреждения еще в мае 1910 года и дважды восходил на рассмотрение государственного совета, при чем все разногласия между законодательными палатами были устранены, за исключением лишь вопроса о допущении прений в заседаниях городских дум и словесных объяснений в управах на польском языке.

Означенное разногласие между государственным советом и государственною думою осталось неустраненным, и самый законопроект был признан государственным советом отпавшим. Но затем, по высочайшему вашего императорского величества повелению, проект закона по предмету упомянутого преобразования был вновь внесен 9 июня минувшего года министром внутренних дел в государственную думу в той редакции, которая была установлена соглашением обеих законодательных палат и со включением, согласно с постановлением государственной думы, правила

о допущении польского языка при словесных объяснениях в городских думах и управах.

По убеждению совета министров, немедленное проведение этого мероприятия в чрезвычайном порядке статьи 87 основных государственных законов, несомненно, явилось бы для польского населения знаменем милостивого благоволения к нему и было бы встречено с глубочайшею благодарностью всеми кругами польского общества. По сим соображениям совет министров единодушно высказался за немедленное осуществление городской реформы в губерниях Царства Польского, предоставив министру внутренних дел незамедлительно заняться изготовлением соответствующего проекта.

В заключение совет министров остановился на способе проведения обсуждаемых мероприятий. В сем отношении совет министров рассуждал, что намеченными преобразованиями вносятся коренные изменения в различные отрасли действующего законодательства, и что поэтому осуществление сих преобразований может последовать не иначе, как в порядке законодательном.

Руководствуясь всем изложенным, совет министров полагает:

Установить нижеследующие основные начала будущего политического устройства Польского края:

А) При предстоящем преобразовании управления Польским краем остаются общими и едиными: армия и флот, международные сношения, финансовое управление, пути сообщения, почта и телеграф и устройство судебной части.

В) В управлении краем вводятся следующие особенности:

І. Свобода вероисповедания в крае.

Сохраняя за православною верою значение первенствующей и господствующей (зак. осн., ст. 62), в крае вводится для католического вероисповедания, сверх обеспеченных уже российским подданным означенного вероисповедания основными законами (ст. 66) свободного отправления их веры и богослужения по обрядам оной:

1) предоставление католическому духовенству права катехизации, то-есть наставления католического юношества в основных началах веры как в церквях, так и в частных помещениях;

2) расширение прав епископов по надзору за религиозным обучением в светских школах и управлению семинариями;

3) отмена некоторых ограничений по открытию новых нештатных монастырей;

4) облегчение условий возникновения благотворительных братств при костелах;

5) расширение прав епископов по возведению храмов, часовен, подвижных престолов и пр., и

6) некоторые облегчения условий приобретения, отчуждения и распоряжения церковными имуществами.

II. Русский и польский языки в крае.

1) Сохранение русского языка в делопроизводстве всех административных и судебных учреждений края;

2) предоставление прав государственной службы и льгот и по образованию в отношении отбывания воинской повинности лицам, окончившим курс в польских учебных заведениях, при условии сдачи ими экзамена в правительственных комиссиях по установленным для сего программам;

3) установление знания польского языка, как условия назначения на все местные судебные и административные должности, с соблюдением постепенности и сроков, определенных на сей предмет особым законом;

4) право обращения населения на польском языке во все административные и судебные учреждения края и право представления им на польском языке объяснений;

5) ведение делопроизводства и прений на польском языке в местном самоуправлении и во всех общественных учреждениях и преподавание на польском языке во всех учебных заведениях края — высших, средних и низших, — за исключением русских: языка, словесности, истории, географии и предметов русского права, каковые преподаются на русском языке и обучение коим в учебных заведениях надлежащих разрядов обязательно, и

6) право русского населения обращаться на общегосударственном языке во все учреждения края и получать на том языке ответы; обеспечение образовательных потребностей русского населения учреждением отдельных русских школ.

III. Организация местного управления и самоуправления.

1) Постановление во главе края наместника вашего императорского величества;

2) образование при наместнике для дел административных особого совета, куда входили бы как члены по назна-

и правительства, так и представители выборных учреждений края;

3) предоставление местной власти замещать должности во всех административных и судебных учреждениях края лицами польского происхождения;

4) введение в крае суда присяжных и выборного мирового суда;

5) введение городского самоуправления, и

6) организация земских учреждений в крае по образцу существующих в коренных губерниях империи, с теми изменениями, кои вызываются местными особенностями; предоставление местной администрации права надзора за законностью постановлений земских собраний; присвоение наместнику вашего величества: а) права надзора за целесообразностью постановлений губернских земских собраний и учреждений; б) право роспуска земских собраний и в) право утверждения председателей выборных учреждений (земских и городских).

Таковые свои заключения совет министров всеподданнейшим долгом почитает повергнуть на высочайшее вашего императорского величества благоволение.

9.

Секретное отношение начальника штаба верховного главнокомандующего председателю совета министров Горемыкину *).

Совершенно секретно.

Илюстривый государь Иван Логгинович.

По поручению вашего высокопревосходительства, управляющий делами совета министров препроводил на мое заключение проект особого журнала совета министров по вопросу о главных началах будущего административного устройства Польского края.

Рассмотрев означенный проект и не встречая препятствий к приведению в исполнение сего предположения, я ¹⁾ по существу отдельных мероприятий считаю необходимым высказать нижеследующие замечания.

*) Там же, л. 161.

¹ доклада его императорскому высочеству верховному главнокомандующему. (Прим. подлин.)

Пунктом 1 отдела I заключения по настоящему делу имеется в виду предоставить католическому духовенству право наставления католического юношества в основных началах веры как в церквях, так и в частных помещениях. Признавая меру эту приемлемою, я, вместе с тем, считаю необходимым, во избежание вредного для существующего государственного порядка направления юношества, отметить, что названное духовенство при осуществлении своего права катехизации должно ограничиваться лишь догматическими вопросами веры, не касаясь в произносимых им в церквях проповедях, а также в издаваемых им сочинениях предметов политических, а в особенности относящихся до внутреннего государственного управления.

Переходя к рассмотрению постановления пункта 2 того же отдела, расширяющего право епископов по надзору за религиозным обучением в светских школах, представляется, по мнению моему, желательным указать, что правило это может иметь применение лишь в отношении частных светских школ, не касаясь всех прочих учебных заведений, над коими наблюдение пастырей римско-католического вероисповедания сохраняется на существующих основаниях.

Засим, останавливаясь на обсуждении пункта 6 отдела II заключения, я обратил внимание на предположение совета министров допустить во всех учебных заведениях края — высших, средних и низших — преподавание на польском языке. При подобного рода постановлении дела народного образования, русская часть населения Царства Польского, не обладающая знанием местного языка, лишена была бы возможности давать образование своим детям и тем самым поставлена была бы в весьма затруднительное положение. Находя крайне нежелательным ставить русских в такую зависимость от знания польского языка, я считаю целесообразным сделать указание на разрешение преподавания на этом языке лишь в польских учебных заведениях, обязав таковые, в свою очередь, для православных включить в число предметов, обучение коим должно производиться на русском языке, закон божий, как предмет первой важности для правильного воспитания подрастающего поколения.

Наконец, признавая за всем русским первенствующее в сравнении со всем прочим значение в крае, я полагал бы правильным и постановления сего проекта, касающиеся общегосударственного языка и русских установлений, поместить впереди правил, относящихся до тех же предметов той же польской национальности, и, сообразно сему,

пункт 7 отдела II заключения пометить вслед за пунктом 3, а пункт 8 за пунктом 5 того же отдела.

Сообщая об изложенном, прошу ваше высокопревосходительство принять уверения в совершенном моем уважении и истинной преданности вашего покорного слуги

14 марта 1915 г.
№ 2693.

Н. Янушкевича.

10.

Секретное отношение варшавского генерал-губернатора Енгальчева председателю совета министров Горемыкину *).

Копия.

В. секретно и лично.

Глубокоуважаемый Иван Логгинович.

7 апреля на ставке я имел счастье доложить его величеству о ходе дел по вверенному мне краю; при этом государю императору благоугодно было поручить мне написать вашему высокопревосходительству, что его величество изволит считать желательным:

1) составление теперь же в окончательном виде проекта земского положения для губерний Царства Польского;

2) редактирование предположенного рескрипта по поводу польских дел, в связи с промеморией совета министров.

Дабы оба эти акта были бы вполне готовы к об'явлению, когда это будет признано возможным или при вероятном приезде государя императора в Варшаву.

Вместе с тем, его величество соизволил разрешить мне прибыть в Петроград в начале мая месяца.

Поэтому обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой почтить меня уведомлением, полагаете ли вы возможным рассмотрение проекта земского положения в течение мая месяца сначала, быть может, в подготовительном совещании, а затем в совете министров.

Пользуюсь этим случаем, чтобы засвидетельствовать вашему высокопревосходительству мою отличную преданность и глубокое уважение.

Енгальчев.

г. Варшава, 8 Апреля 1915 г.
№ 1545.

*) Дело канц. сов. мин. об устройстве Польского края и по его текущим делам, часть I, л. 218.

Записка гр. Сигизмунда Велепольского от 27 апреля 1924 г. *).

Записка члена Государственного Совета гр.
С. И. Велепольского.

„Под скипетром русского царя возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении“.

Провозглашенная девять месяцев тому назад верховным главнокомандующим благая весть нашла горячий отклик в сердцах поляков, и пробудились в них справедливо основанные на ней надежды на осуществление того, о чем мечтали их отцы и деды. Восприняло также чутко полные глубокого исторического значения слова „воззвания“ русское общественное мнение, которое неоднократно и открыто высказывалось за объединение разрозненных польских областей под русским державным скипетром и за предоставление им особого строя управления, обеспечивающего развитие национальных, культурных и экономических сил польского народа. Русская общественная мысль так же, как и польская, усмотрела в словах вождя доблестной русской армии призыв к окончательному разрешению великой задачи устроения мирного сожительства двух братских народов в границах единой державы.

Иначе обстоит дело в среде правительства и его органов. В этой области ощущаются разные течения и несогласия, а равно также усилия, стремящиеся к умалению значения исторического акта, и вялая деятельность, правда, направленная к удовлетворению в ограниченной мере и форме некоторых экономических и культурных потребностей польского народа, но совершенно несоизмеримая с началами, провозглашенными верховным главнокомандующим.

Никто, конечно, не может сомневаться в полезности введения городского или земского положения в Царстве Польском, но ведь эти реформы были проектированы правительством за семь лет до войны. С благодарностью принято было введение городского положения, но реформы хозяйственного или экономического характера, мудрые и полезные сами по себе,—это еще не осуществление возведенных воззванием верховного главнокомандующего преобразований.

*) Там же, л. 283.

Русская государственная мысль никогда не отрицала, по крайней мере, в принципе, национально-культурных прав польского народа. Не говоря даже о временах императора Александра I, достаточно вспомнить, что тотчас по подавлении восстания 1830—31 года император Николай I манифестом 14 февраля 1832 года возвестил, что Царство Польское будет и впредь иметь „особое соответствующее потребностям его управление“, изданный же одновременно „органический статут“ для Царства подтвердил это положение в первой своей статье, а в статье 34-й постановил, что „все правительственные и судебные в Царстве Польском дела производятся на языке польском“. Хотя позднейшими отдельными узаконениями эти начала до некоторой степени нарушались, но затем они получили дальнейшее развитие в реформах царствования императора Александра II. Даже в разгар восстания рескрипт государя от 31 октября 1863 года на имя великого князя Константина Николаевича возвещал, что по успокоении края наступит возрождение дарованных Царству учреждений, введение которых в действие является живейшим и искреннейшим желанием монарха.

Если затем укоренившееся, старательно поддерживаемое немецкими влияниями, недоверие к лояльности и чувствам польского народа и помешало, к сожалению, донине осуществлению благих начинаний императора Александра II, то сознание ненормальности и неудовлетворительности существующего положения не исчезло и проявлялось в русском правительстве и обществе всякий раз, когда течение событий выдвигало вперед в России вопросы улучшения государственного устройства.

Исполинская война 1914 года не могла не поставить вопроса о русско-польских отношениях во всем его историческом значении и полноте. Воскресла заветная мечта отцов и дедов и надежда на братское примирение с Великой Россией, а несущие благую весть этого примирения русские войска были встречены польским народом искренним, сердечным приветом. Неисчислимые жертвы поляков, как в рядах сих доблестных войск, так и вне их, братское участие, посильная помощь и содействие, оказанное армии польским народом, доказали, что этот народ желает жить в единении с Россией, веря в признание ею правоты его национальных стремлений.

Пробил час, когда необходимо высказаться ясно и определенно: „заря новой жизни“ не может сиять некоторым

лишь удовлетворением экономических нужд польского народа. „Под знаменем креста“, символа воскресения народов, Россия не может окончить с польским вопросом, не признавая за польским народом его национальных прав в таком объеме, который, не противореча державному единству, дал бы этому народу простор для широкого развития во всех областях национально-культурной жизни.

Вышедшие из русских общественных кругов, а в свое время и из польских, проекты особого управления Царства Польского, исходя из основного принципа, что этот край составляет нераздельную часть русской державы, детально определяют круг „внутренних дел“ Царства Польского, подлежащих самостоятельному ведению местных установлений. Эти проекты не являются тайными и могли бы послужить материалом для выработки окончательного проекта, который, для полного удовлетворения национально-культурных нужд польского народа, должен опираться на следующие незыблемые основы:

1) Разделение законодательных дел на общегосударственные и краевые с передачей последних краевым установлениям.

2) Сообразно с этим разделением, особое местное ведомственное управление, во главе которого должно быть лицо, непосредственно подчиненное его императорскому величеству.

3) Признание за польским языком прав языка официального во всех административных и судебных учреждениях Царства Польского, с указанием, что в случае обращения в эти учреждения лиц русской национальности на русском языке ответы и сообщения этим лицам должны быть даваемы на языке русском.

4) Признание, что языком преподавания в учебных заведениях Царства Польского, высших, средних и низших, должен быть язык польский, и что эти учебные заведения должны быть подчинены местному управлению.

5) Необходимость покончить с недоверием, оказываемым полякам в области государственной службы, призывая их к управлению краем и назначая на должности по всем ведомствам.

6) Отмена ограничительных мер по отношению к римско-католической церкви в Царстве Польском и передача дел этой церкви в заведывание местного управления.

Исторические события величайшего значения, от дальнейшего хода которых зависит будущее целых государств,

народов и племен, выдвинули вперед в самом начале войны, на ряду с другими огромной важности вопросами, и вопрос польский.

Было бы крупнейшей государственной ошибкой оставить этот вопрос открытым, противиться велениям судьбы, которая сама указывает на возможность его прочного решения на пользу русской державы, польского народа, всего славянства и человечества.

Польский народ преисполнен бесконечной веры в Россию-освободительницу, он твердо уповает на торжественно данное ему обещание. Державные интересы России, равно как и жизненные интересы польского народа, требуют, чтобы эта вера не колебалась и не подкапывалась. Желательно ли с государственной точки зрения пошатнуть в польском народе или ослабить эту веру? Не полезнее ли для грядущих задач государства, если всякий поляк будет чувствовать себя счастливым в пределах своей родины и знать, что он равноправный гражданин Русской империи?

Необходимо устранить навсегда недоверие, неосновательность которого столь ярко доказали события войны, стать в уровень с историческим моментом, отречься от будничных методов управления, помня слова Петра Великого, что „потеря времени смерти подобна“.

Глубокая и непоколебимая преданность престолу заставляет меня указать на те основы, которые в границах воззвания верховного главнокомандующего обуславливают возрождение Польши и ее свободу в своей вере, в языке и самоуправлении. Признание этих основ явится залогом прочного примирения обоих народов и нерасторжимого их политического единения под скипетром русского монарха.

Граф Сигизмунд Велепольский.

Варшава, 27 апреля 1915 г.

12.

Записка графа Владислава Велепольского.

К н я з ь.

Со времени моего письма от первых чисел этого месяца та проблема, которую я старался в нем разрешить, получила новое освещение благодаря двум документам. С одной стороны, записка, представленная моим братом, выражающая чаяния огромного благонамеренного большинства польского народа, с другой, тот проект, рассмотрением коего совет министров счел необходимым заняться в заседаниях от 18 и 23 февраля.

Сравнивая их незадолго до вашего от'езда, мы оба приходили к выводу, что если бы предположения министерского проекта были бы приняты, то торжественным актом, долженствующим, по мнению совета министров, возвестить полякам добрую весть о реформах, ожидаемых во исполнение августейшего воззвания, был бы нанесен удар чаяниям польского народа.

Конечно, это не повлекло бы за собой никакого изменения ни во внутренней ориентировке огромного большинства польского народа, ни в занятой им внешней позиции,— разочарование это, однако, было бы тягостно даже для наиболее лояльных и послужило бы в то же время опасным оружием против них в руках их политических врагов, являющихся одновременно врагами правительства и общественного порядка.

На ваш вопрос, представляется ли, по моему мнению, возможным согласовать основные положения этих двух документов, я постараюсь ответить вам, как неизменный и всецело преданный слуга государя, следуя пути, предуказанному мне великим примером семейных традиций и верой в эволюцию, которая сумеет примирить интересы великой России с условиями, необходимыми для существования входящей в состав империи Польши. Ответ мой будет лишь развитием моего письма, написанного в начале этого месяца. Он является дополнением к нему, а потому я и не буду возвращаться ни к его основному содержанию, ни к приведенным мною ранее аргументам.

Из анализа двух этих документов очевидно, что оба они имеют одну и ту же отправную точку: что, приходя в конечном итоге к различным выводам, они все же основываются на одних и тех же принципах.

И тот и другой имеют в виду создание нового польского государства, являющегося частью Российской империи и имеющего образоваться из губерний, входящих в состав нынешней Польши, с добавлением тех польских областей, которые с божьей помощью удастся отвоевать у врага.

И тот и другой признают необходимым пересмотр взаимоотношений, связующих Польшу с империей, и предвидят неизбежность внутренней реорганизации Польши, независимо от исхода войны и от могущих для нее последовать территориальных приобретений.

И тот, и другой при определении территориальных границ, имеющих быть установленными для нового государства,

считают необходимым базироваться на принципе этнографическом.

И тот и другой признают необходимым положить предел „чрезмерным и неосновательным притязаниям некоторых польских партий и группировок“, по выражению проекта совета министров, провозгласив правительство единым и неделимым.

И тот и другой проводят принцип разграничения между общими интересами империи в целом, которые должны остаться в ведении центральных властей, и делами внутреннего управления Польши.

И тот и другой требуют применения польского языка на всех ступенях народного образования от начальной школы до университета; ограничения в пользу русского языка, проектируемые советом министров, не встретили бы в данном случае каких-либо возражений со стороны общественного мнения Польши. В этом вопросе оба эти документа идентичны, и не только в принципиальной его постановке, но и в своих выводах.

И тот и другой предусматривают во главе внутреннего управления страной наместника императора, а также привлечение к работам по управлению собрания представителей страны.

И тот и другой, наконец, приходя к совершенно различным выводам, признают необходимым увеличение авторитета католической церкви, а также расширение прав польского языка в границах этнографической Польши.

Мне кажется, что провозглашение этих принципов, в основных чертах, без детального их обсуждения, было бы, несомненно, достойно торжественного акта, предположенного к изданию советом министров и ожидаемого польским народом.

Но не изменилось ли бы положение, если бы эти великие слова приняли тот оттенок, который неизбежно был бы создан крайне неполными выводами проекта совета министров, его приводящей в замешательство недоговоренностью, его ограничениями, часто столь несоответствующими наметенной цели?

Желая положить предел „чрезмерным и неосновательным притязаниям некоторых польских партий и группировок“, проект совета министров отнюдь не задается вопросом о том, что думают наиболее лояльные из польских подданных государя,—те, кто посвятил свою жизнь делу искреннего примирения и объединения, те, кто подготовил нацию

к тому прекрасному воодушевлению, которое она доказала с самого начала войны той солидарностью, благодаря которой она была готова на все жертвы, благодаря которой польская нация мужественно переносила ради общего дела столько утрат, такое разорение, такое непоправимое опустошение. Высказываясь в принципе за разграничение общих интересов империи от внутренних дел самой Польши, проект совета министров обращает все свое внимание исключительно на первые: в нем нет никаких указаний на то, что именно по этому проекту должно будет перейти в ведение местных органов страны, не устанавливается даже самый характер этих органов.

Помимо вопросов, входящих в круг ведения национальной обороны, министерства иностранных дел и финансов, в отношении которых записка моего брата, вполне совпадая с проектом совета министров, проводит принцип полного единства, совет министров включает в категорию неотделимых от империи дел также и вопросы путей сообщения, почт и телеграфа и юстиции.

Между тем, казалось бы, что за исключением дел государственного казначейства, по вопросу о котором не может существовать двух мнений, есть целый ряд общественных дел, вытекающих из этого же министерства, но имеющих в виду исключительно интересы местного значения. Так же обстоит вопрос и с путями сообщения и с делами почт и телеграфа, потому, мне кажется, что в отношении этих трех министерств необходимо внутреннее разграничение, в силу которого часть дел, касающихся исключительно самой Польши, отошла бы в ведение органов местного управления.

То исключительное положение, в котором после войны окажется страна, бывшая главным театром военных действий, та тяжелая задача, которая ляжет на нее во имя не только своих интересов, но и интересов империи, с возможной быстротой выйти из того состояния, в которое она будет поставлена огромным разорением и опустошением,—задача эта постоянно требует содействия ей всеми теми средствами, от коих зависит экономическое развитие страны.

Что касается юстиции, то, поскольку проводится принцип разграничения, признаюсь, я не понимаю точки зрения министерского проекта,—который отказывается признать возможной децентрализацию для той страны, которая даже при существующем порядке вещей имеет совсем иную гражданскую структуру, в которой, например, не суще-

ствует тех социальных различий, которые установлены русским законодательством для отдельных слоев граждан, которая имеет свой гражданский кодекс, отличный от кодекса империи, свое законодательство, по которому земельная собственность основана на началах несуществующей в России ипотеки; эти вполне реальные, конкретные различия укрепляют поляков в их справедливом стремлении, от которого ни одна нация не могла бы отказаться как из соображений своих насущных интересов, так и своего достоинства,—в стремлении к тому, чтобы закон осуществлялся в их стране представителями их собственной национальности. Единственно, в чем предположения министерского проекта полностью удовлетворяют чаяниям польского народа,—это в области просвещения. Издание ныне соответственного закона было бы тем жестом, который ободрил бы все сердца, содействовал бы укреплению благожелательного настроения умов и послужил бы утешением в перенесенных народом страданиях. Но при общей реорганизации и здесь были бы желательны некоторые дополнения,—создание специального департамента при местном правительстве, которому и было бы передано руководство делом государственного образования.

Говоря о назначении наместника императора, долженствующего стать во главе местного правительства, правительственный проект воздерживается от каких-либо указаний относительно сферы его ведения, его более или менее прямой и непосредственной зависимости от монаршей воли, относительно той или иной полноты его полномочий. Умолчание это крайне существенно, тем более, что одновременно с ним в том, что касается прочих вопросов, министерский проект не ограничивается лишь установлением принципов, но входит и в дальнейшее их обсуждение, а также предусматривает детали последующего их применения.

Такой же неясностью и недоговоренностью отличаются места проекта, в которых говорится о правах и обязанностях совета, который имеет быть учрежденным при наместнике из представителей страны.

Реформы, предположенные проектом, относительно положения католической церкви в сущности сводятся единственно к упразднению некоторых стеснений, которые были для нее установлены специальными законами и особенно министерскими циркулярами, административными распоряжениями, зачастую противоречившими закону. Будучи сами по себе

крайне необходимыми, предположения эти, имеющие упразднить указанные стеснения, могли бы быть, однако, введены, по мысли г. министра внутренних дел, независимо от самого торжественного акта, предположенного к изданию советом министров. Единственным актом, который в этом отношении представлялся бы мне достойным всей значительности исторического момента, было бы упразднение в пределах этнографической Польши положения католической церкви как иностранного вероисповедания, которым еще и поныне принижается авторитет католической церкви; для этого было бы необходимо гарантировать ей, как то имело место в статуте 1832 г., особое покровительство со стороны центральной власти, на которое она имеет полное право, являясь господствующим вероисповеданием страны.

Но что сказать о тех правах, которые министерский проект намеревается присвоить польскому языку в новой Польше, объединяющей всех поляков под скипетром российского императора?

Как согласовать намеченный жест, столь мало соответствующий характеру августейшего торжественного акта, так мало отвечающий значительности исторического момента, с теми великими принципами, которыми он будто бы намерен руководствоваться? Как сочетать этот жест с августейшим обещанием национального восстановления, для осуществления коего вдохновенными словами воззвания призывается помощь божественного креста, этого священного символа?

Кто сумеет внушить польскому народу, что все это обещание сводится единственно лишь к допущению польского языка в учреждениях, к разрешению полякам обращаться на их родном языке к органам административной и судебной власти, при чем даже не предусматривается, на каком языке последует ответ со стороны этих учреждений.

Вводя в новую Польшу суд присяжных, может ли министерский проект серьезно допускать возможность того, что этот орган будет в своей деятельности говорить на каком-либо ином языке—не на языке своего населения?

Задались ли творцы этого проекта хотя на одну минуту вопросом о том, как будет чувствовать себя тот народ, который думал принести освобождение своим галицийским братьям и который, напротив того, окажется в трагическом положении, будучи вынужден содействовать наложению на них новых, еще неизвестных, им цепей, утрате ими под скипетром российского императора тех прав, которыми они,

однако, уже пользовались под властью германского монарха?

Подумали ли они о том, что произойдет в душе нации, если ей придется перенести изгнание польского языка из всех учреждений, и в той единственной части прежней родины, в которой польский язык еще не утратил всей полноты своих прав, несмотря на все бедствия и катастрофы?

И еще, каким образом убедить польский народ в том, что все это должно считаться началом новой эры, благословенной, ожидаемой, купленной ценой такого страдания, такого героического напряжения, что будто именно в этом осуществление надежд их отцов и предков, что это—возрождение?

Соображения эти отнюдь не подсказаны мне националистической точкой зрения; я сомневаюсь, чтобы справедливый и здравомыслящий человек, какой бы национальности он ни был, мог бы дать иной ответ, нежели тот, который даю я,—поскольку он посмотрел бы в глубину создавшегося положения и со всей искренностью продумал бы его.

Еще более невозможно это для меня, верного и преданного слуги своего возлюбленного монарха, чье слово для меня священно, слава дорога, великодушные и возвышенность взглядов коего мне известны.

Как гражданин и патриот великой империи, судьбы которой вверены монарху богом, я хотел бы, чтобы этот патриотизм был основан на иных принципах, отнюдь не на принципе узкого национализма, совершенно несовместимого с великой империалистической миссией, к выполнению коей господь призывает Россию; осуществить таковую Россия была бы не в состоянии, если бы при установлении тех законов, которым победоносным оружием ее армии будут подчинены народы, находящиеся еще за пределами ее нынешних границ, она не отнеслась бы с уважением к тому, что является национальными особенностями об'единенных под ее скипетром народов, и к тому же ни мало не препятствует их тесному единению между собой, их сплоченности по отношению к иностранным державам.

Что касается вопросов языка, в котором чаяния нации столь глубоко расходятся с предположениями министерского проекта, нельзя ли было бы здесь найти справедливую формулу, аналогичную той, которая принята в законе о муниципалитетах, и в тех случаях, когда надлежало бы сохранить применение исключительно государственного языка,

хотя бы заменить термин „центральной власти“, словами „власти административной“?

Мне кажется, что применение системы постепенности в проведении этой реформы, подобной той, которая, согласно министерского проекта, предполагается относительно обязательности изучения польского языка чиновниками страны, могло бы предотвратить те неудобства, которые возникли бы в результате слишком поспешной перемены в самом составе этих чиновников.

Мне также думается, что логически необходимым следствием разграничения, в принципе устанавливаемого самим министерским проектом, должно было бы явиться учреждение особого законодательного органа для вопросов, связанных исключительно с местными интересами страны.

Я далек от мысли представить здесь полный продуманный во всех его деталях проект. Подобный проект мог бы явиться результатом серьезнейшего изучения и отнюдь не односторонней, но совместной и искренней работы. Несмотря на те двоякие трудности и опасности, которые могут возникнуть в процессе столь сложной работы, усилия эти в конечном итоге, несомненно, приведут к достижению согласия и к плодотворным практическим результатам, благодаря коим окажется возможным перейти от установленных ныне идентичных принципов к не менее единодушным заключениям.

Примите, князь, выражение моей искренней преданности

Владислав Велепольский.

Варшава, 19 мая 1915 года.

13.

Протокол совещания по вопросу об устройстве Польского края 21 мая 1915 года *).

Проект.

Присутствовали:

Председатель совета министров, министр внутренних дел, министр народного просвещения, варшавский генерал-губернатор.

Граф С. И. Велепольский, Я. С. Гарусевич, В. Ф. Грабский, Р. В. Дмовский, Е. Е. Добецкий, Л. К. Дымша, И. А. Шебеко.

---

*) Там же, л. 306.

По открытии заседания председатель совета министров обратился к прибывшим представителям населения губерний Царства Польского с приветствием и пояснил, что совещание созвано им с высочайшего соизволения для того, чтобы предоставить представителям польского населения возможность высказать свои пожелания относительно будущего устройства Польского края.

Член государственного совета граф С. И. Велепольский объясняет, что он высказал свои взгляды в записке от 27 апреля и что на основании разговора с председателем совета министров пришел к заключению:

1. Что желательно приступить уже теперь к целому ряду мероприятий в отношении управления Царства Польского, которые идут навстречу введению реформ, о которых говорит его записка от 27 апреля.

2. Что же касается осуществления обещанных воззванием верховного главнокомандующего преобразований, то, по его мнению, следовало бы уже теперь приступить к детальной разработке будущего устройства гражданского управления Царства Польского.

В виду этого, граф Велепольский представляет письменно свои взгляды по этим двум пунктам.

(Здесь граф Велепольский прочел добавочную записку, которую тут же вручил председателю совета министров).

Граф Велепольский на запрос председателя совета министров: заключает ли представленная записка от 27 апреля личный взгляд графа Велепольского, или взгляды более широких слоев общества, заявил, что записка составлена им лично, заключает его личное мнение, но до представления ее он ознакомил с содержанием записки разные общественные группы и лица и, на основании полученных ответов, он уверен в том, что его взгляды разделяются и поддерживаются широкими слоями польского общества.

Член государственного совета И. Шебеко остановился подробнее на существе воззвания августейшего главнокомандующего к полякам, подчеркнув, что не только все поляки, наши и зарубежные, но и союзные державы признали воззвание историческим актом, от русской государственной власти исходящим, и далеки были от мысли допускать, что это—только политико-стратегический маневр, вызванный условиями переживаемого нами военного времени, каковое толкование пытались придавать этому акту враги России. А если это так, то ведь самое содержание воззвания предо-

пределяет необходимость коренных реформ в политико-юридическом строе этнографически польских земель.

Там, где идет речь о близком осуществлении „мечты отцов и дедов“, „о часе воскресения польского народа“, „о братском примирении с Великою Россиею“, „о возрожденной под скипетром русского царя Польше, свободной в своей вере, в языке, в самоуправлении“, там, при толковании значения этих исторических слов, не может быть колебаний.

За исключением некоторых областей жизни общегосударственного характера,—например: армии, флота, министерства двора, министерства иностранных дел,—русской Польше во всех ее внутренних делах должна быть предоставлена полная свобода управления, обеспечивающая в самых широких пределах ее национально-культурное развитие, с польскими школами, от низших до высших включительно, с польскими судами и польскою администрациею и признанием за польским языком прав официального языка во всех правительственных и общественных установлениях края. Член государственного совета И. Шебеко особенно подчеркивает, при предстоящих реформах, необходимость широкого признания прав польского языка, указывая на то, что всякое иное неполное решение вопроса шло бы вразрез и с воззванием, и с тем единственно возможным толкованием этого воззвания, которое ему в полном единомыслии придает весь польский народ и все вообще славянство. Да ведь прогрессивнейший на весь мир лозунг настоящей „освободительной войны“—лозунг национальный, и недаром в воззвании августейшего главнокомандующего к народам Австро-Венгрии „именем великого русского царя“ указано, „что Россия стремится к освобождению народов от иноземного ига, к восстановлению права и справедливости, к осуществлению народных вожделений и к обеспечению за каждым народом драгоценного достояния отцов: языка и веры и об'единения с родными братьями“.

Сопоставляя слова этих воззваний и их сокровенный смысл, член государственного совета Шебеко приходит к заключению, что лишь при такой намеченной им в общих чертах коренной реорганизации Польши возможно „воскресение польского народа и братское примирение его с Великою Россиею“.

Невозможно предположить, чтобы освобожденный от австро-германского ига и об'единенный под скипетром русского государя польский народ мог быть в области нацио-

нально-культурных прав, родного языка поставлен в условия худшие, нежели те, в которых он находился в Галиции.

Беспредельное самопожертвование польского народа в мировой борьбе славянского племени с германизмом вытекает не только из чувства долга, но и из глубоко внедрившегося во всех слоях народного сознания, что победа России над Германиею обеспечит полякам полную свободу национального развития. Наступил великий исторический момент, о котором я не раз говорил с трибуны в государственном совете. Приступимте вместе к тому, чтобы засыпать пропасть, роковым ходом истории вырытую между двумя величайшими славянскими народами. Но чтобы порвать с тяжелым прошлым бесповоротно, надо взяться за эту благодарную задачу с широким государственным размахом, точно разграничив круг компетенции общегосударственного управления от всего того, что имеет характер местный,—в этой области не только не торговаться, болезненно придерживаясь старых форм, а, наоборот, широко распахнуть двери для национально-культурного развития Польши.

Для достижения намеченных целей необходима также отмена всех ограничений по отношению к римско-католической вере, исповедуемой громадным большинством населения Царства Польского. Этими ограничениями искусственно понижалось религиозное чувство народа, признаваемое важнейшим условием семьи, государственности и общественного правопорядка. Да послужит тому примером целый ряд стеснений, которым подвергались и лично и при исполнении духовных обязанностей католические священники в Польше, не говоря уже о затруднениях, чинимых правительством при поступлении в римско-католические семинарии,—очевидно, целью этого мероприятия было уменьшение числа католических священников в крае, и так недостаточных по числу населения, последствием—полная нравственная распушенность низших общественных слоев. Надо раз навсегда отказаться от мысли поддерживать подпорками старое, ветхое, никого не удовлетворяющее здание польско-русских отношений. Его надо снести, а на его место возвести на великих началах, возвешенных воззванием, новое здание нашего будущего желанного славянского единения.

Далее член государственного совета Шебеко, допуская, что ему будет поставлен вопрос, удовлетворяют ли польский народ намеченные выше реформы и не будет ли он стремиться и впредь к полной политической обособленности,

сослался на свою поездку в Львов после занятия этого города русскими войсками. Ему приходилось беседовать с представителями всех слоев местного польского населения, хранившего глубокую благодарность к австрийскому монарху за уважение к польским национальным правам. В то время, когда даже в славянской России польских учебных заведений не было вовсе, а польский язык подвергался гонениям, в Галиции все обучение от низших до высших школ было польское, наравне с администрацией и судами. И однако, невзирая на чуждый полякам немецкий характер династии государства, невзирая на весьма тяжелые экономические условия края, австрийские поляки к политической обособленности не стремились и как в пределах края, так и на общеимперских высоких постах, приносили государству посильную пользу не за страх, а за совесть. И вот, обсуждая в настоящее время будущее объединение под скипетром русского царя Польши, член государственного совета Шебеко приходит к заключению, что при условии широкого удовлетворения национальных прав поляков, на началах им выше намеченных, эта связь Польши с русскою государственностью была бы во много раз сильнее, как вследствие наличности племенного родства, так и в силу благоприятных экономических условий. Идея же государственного единства, при такой широкой постановке русско-польского общения, только бы выиграла, ибо в государственном единстве ценна не механическая спайка, а внутренняя, нравственная связь. Переходя засим к оценке обсуждаемых реформ и поворота в русско-польских отношениях с точки зрения русских государственных интересов, член государственного совета Шебеко заметил, что, при всеми ожидаемом победоносном завершении великой исторической войны, перед Россией, независимо от широчайших внутренних задач, открываются блестящие перспективы на ближнем Востоке. Туда будут направлены созидательные силы государства.

А, между тем, Германия, как бы чувствителен ни был для нее разгром военной мощи, все же не перестанет быть национально сплоченным, быть может, восьмидесятимиллионным культурным организмом, если к ней присоединятся немецкие земли разложившейся Австрии.

Организм этот при высокой культуре, упорстве и трудолюбии германской расы, подбадриваемый идеей реванша, быстро залечит нанесенные ему раны и, по естественному закону давления в сторону наименьшего сопротивления,

будет всеми доступными способами давить на нашу западную окраину. До сих пор, вследствие роковых заблуждений и веры в Германию, Польша, лишенная национального развития, не могла противопоставить преграды заливавшей ее германской волне.

Разве не в интересах России предоставлением Польше полной свободы национально-культурного развития создать мощный оплот на западной своей окраине, возложив непосильные для государства задачи на самое население? Да и для положения России в самом славянстве признание полноты национальных прав за величайшей после русской ветвью славянского народа является императивом не сердечного влечения только, но здраво понимаемым государственным интересом. Все эти соображения побуждают члена государственного совета Шебеко признать необходимым установление комиссии, на которую была бы возложена работа составления проекта будущего устройства Царства Польского, на началах выше намеченных, при чем представлялось бы возможным ныне же ввести в жизнь целый ряд мероприятий, указанных в записке, представленной при открытии заседания графом Велепольским.

Такое спешное проведение этих мер, вытекающее из воззвания августейшего главнокомандующего, тем более необходимо, что, невзирая на проведение в последнее время отдельных весьма полезных для края мероприятий, на действующем в Царстве Польском государственном аппарате не отразились, однако, ни переживаемые нами великие события ни самое воззвание, а обстоятельство это подрывает в населении веру в искренность правительства и несомненность осуществления воззвания.

Бывший член государственного совета Е. Е. Добецкий.

К словам моего предшественника мне приходится прибавить немного:

Нет ни одного поляка, который не считал бы крайне аномальным положение, в котором приходится существовать польскому народу в его родном крае. Считая такое положение не только слишком тяжелым для нас, но и не приносящим никакой пользы Российской империи, мы были уверены, что придет время, когда все это выяснится надлежащим образом и когда русско-польские отношения будут опираться на соответственных справедливых началах. Тяжелое положение поляков состояло в том, что все стремления правительства были направлены к подавлению национального развития, главной же причиной этого являлось

недоверие, питаемое к ним со стороны правительственной власти. Несмотря на полное спокойствие края, спокойный труд всех классов населения, всякие усилия подорвать это недоверие не пользовались доселе успехом. И вот настал великий исторический момент—исполинская война—час испытания, и оказалось, что все Царство Польское не только приступило без малейшего колебания к исполнению своего долга, но оно же с полным самоотвержением и искреннейшим воодушевлением прилагает все свои усилия к помощи русской армии для победы над общим врагом. Стена недоверия не могла не рухнуть, и одновременно с этим появилось воззвание верховного главнокомандующего, заключающее в себе именно заповедь исполнения тех надежд, которые питали всегда польские мысли, и того убеждения, что русско-польской розни будет положен конец.

Естественным последствием этого является необходимость коренных реформ в устройстве управления краем. Исходным пунктом управления для такого переустройства должно быть, с одной стороны, обеспечение полной силы империи и, с другой, полного национального и культурного развития края. Под силой я при этом понимаю не только силу, состоящую в одной общей мощной армии, но и внутреннюю силу громадного значения, силу духа, лучше всего обеспеченную удовлетворением природных потребностей польского народа. Такое удовлетворение может только и лучше всего укрепить преданность престолу, значение которой представляется мне первостепенной важности.

Я думаю, что все эти соображения положены именно в основу записки графа Велепольского, и поэтому всецело к ней присоединяюсь. Полагаю тоже, что предполагаемые реформы должны быть хорошо обдуманы и потому возложение их разработки на особую комиссию из соответственных лиц по высочайшему назначению—русских и поляков—было бы вполне целесообразным.

Считаю долгом прибавить, что раньше сих реформ, связанных с переустройством управления краем, есть одна потребность, сильно ощущаемая в крае: это—введение преподавания на польском языке в школах всех разрядов (высших, средних и низших), и думаю, что к осуществлению сего и следовало бы и вполне было бы возможным приступить с начала будущего школьного года. Говорить о значении школы, воспитания и роли в этом отношении природного языка считаю в нашем собрании излишним.

Позволю себе обратить внимание, что вследствие возникшей войны большое число молодежи, воспитывавшейся за границей, возвратилось в край, и следовало бы обеспечить ей возможность дальнейшего обучения. Многие родители этим крайне озабочены, и я уверен, что удовлетворение этой потребности было бы встречено с искренним одобрением и радостью всего населения.

Бывший член государственной думы Дмовский, присоединяясь вполне к предложениям записки графа Велепольского, замечает, что вопрос о будущем польско-русских отношений не имел бы шансов правильного решения, если бы был поставлен в виде: чего малая Польша требует и что великая Россия желает ей дать; если бы поляки поставили себе целью требовать возможно наиболее, а русские дать возможно наименее.

Единственный путь к благополучному решению вопроса,— это поставить его так, что поляки и русские вместе, с точки зрения общих интересов русского и польского народа и русского государства, считают необходимым для Польши, чтобы дать ей возможность исполнить ее задачи по отношению к себе самой, к России и ко всему славянству. Он заявляет о своей принадлежности к тому громадному числу поляков, которые задолго до настоящей войны пришли к непоколебимому убеждению, что одна из главных целей Германии, это—истребление польской национальности, что единственное спасение поляков—в могуществе России, и что правильно понятый государственный и национальный интерес России лежит не в уничтожении Польши, а напротив, в развитии ее национальных, культурных и экономических сил, в том, чтобы она была в состоянии успешно исполнять роль оплота против подвигающейся на восток в течение многих столетий германской волны. Эту волну не задержит единственно оружие,—она доказала способность двигаться быстро вперед путем мирного завоевания, экономического и культурного, и путем немецкой колонизации. Даже ежели германская военная сила будет разбита в этой войне,—в чем он не сомневается,—семидесятипятимиллионный германский народ, благодаря своей численности, культуре, энергии, благодаря своей внутренней организации, которую он сумел поставить на высший уровень, чем это видим даже у его западных соседей, не перестанет представлять огромной опасности для соседних народов, особенно для славянских, которым не перестанет угрожать с его стороны постепенное мирное завоевание.

В виду этого интерес всего славянства, с Россией во главе, неуклонно диктует направление усилий к тому, чтобы славянские народы, живущие на рубежах Германии, поставлены были в условия, позволяющие им успешно вести экономическую и культурную борьбу против германизма, защищать свои земли против немцев и против немецких влияний. Вот почему общее дело обороны против германской опасности, общий в нем интерес поляков, России и всего славянства, внушает веру, что вопрос о будущем польско-русских отношений будет решен общими, согласными усилиями поляков, русского общественного мнения и русского правительства.

Однако же, нельзя не видеть, что рядом с общностью интересов Польши и России существует сильный контраст внутренних задач той и другой: Россия, желая исполнить свои великие исторические задачи, стремясь к тому, чтобы стать первым по численности народом мира, чтобы заселить свои громадные пространства и насадить на них русскую культуру, принуждена вести широкое, экстенсивное хозяйство. Напротив, сравнительно небольшая Польша, в виду своего географического положения, в виду тесного соседства с Германией и непосредственно угрожающей ей немецкой опасности, единственно может найти спасение в хозяйстве интенсивном, в быстром экономическом и культурном прогрессе, в поднятии своего экономического и культурного труда на такой уровень, чтобы он мог успешно соперничать с трудом немецким. Такая организация труда невозможна без соответственных общественных учреждений, без соответственной организации управления краем. Успешная борьба против немцев на экономическом и культурном поприще, соперничество с немецким трудом невозможно, если управление краем не поставит себе задачей стать современем способным оказывать польскому труду такую помощь, какую встречает немецкий труд со стороны германского государства. Необходимо выработать в возможно скором времени соответственный тип общественных учреждений и воспитать соответственный тип администраторов края.

Несчастьем Польши при ее положении, при угрожающей ей опасности и при вытекающих отсюда ее задачах была централизация управления краем. Русские государственные люди не могли специально заниматься особыми нуждами Польши,—опыт в Государственной Думе показал, что расположенные самым благосклонным образом по отно-

шению к полякам не были способны понять особых потребностей польской жизни, что, наконец, администраторы края, приезжающие из внутренних губерний или из далеких окраин государства, воспитанные в понятиях хозяйства экстенсивного, считали элементарные требования польской жизни необоснованными претензиями, не заслуживающими уважения, и вместо того, чтобы помогать польскому общественному труду, ставили на его пути непреодолимые преграды.

Вот почему, если поляки считают необходимою известную степень самостоятельности во внутреннем управлении Польского края, то они так смотрят не только потому, что они имеют на это право, как народ исторический, с богатым прошлым, народ культурный, но также потому, что им это диктует неуклонная потребность их положения, что без этого они не видят для себя возможности успешно бороться против угрожающей им с запада великой опасности. Устройство особого управления Польши на выраженных здесь началах является для нее необходимым условием того, чтобы она могла исполнить свой исторический долг по отношению к себе самой, к России и ко всему славянству.

Член государственной думы Я. С. Гарусевич, заявив о своем согласии с основными положениями представленной графом Велепольским мемории и прочитанной им ныне записки, поддерживает также общую мотивировку и взгляды, высказанные предыдущими ораторами (И. Шебеко, Добецкий и Дмовский).

Засим, в дополнение к сказанному и для пояснения своих соображений, прежде всего, обращает внимание, что за время войны имели место два крупных по своему замыслу политических факта в области польско-русских отношений: публичные заявления представителей польского народа в обеих законодательных палатах, сделанные не за страх, а за совесть в знаменательных однодневных заседаниях государственной думы и государственного совета, и историческое воззвание верховного главнокомандующего к польскому народу. И представители народа, и весь польский народ считают это воззвание исходящим не только от верховного главнокомандующего, но и от верховной власти, и непоколебимо верят в его осуществление. Понимая, однако, что коренная перемена отношений России к Польше не может быть произведена поспешно, особенно во время грозной войны, тем не менее считает, что назрело время подготовить эту реформу, и высказывает взгляд, что без

участия законных представителей польского народа дело это неисполнимо.

Между тем, правительство на этот единственно правильный и целесообразный путь не вступило даже по отношению к некоторым частным мероприятиям. Пример: введение городского положения в Царстве Польском, о котором мы, члены законодательных палат, узнали лишь одновременно с остальными гражданами.

Между тем, в этих делах „*bona fides*“ хотя и составляет необходимое, но не единственное условие успеха. Одной „*bona fides*“ недостаточно; неперемное условие успеха— полное до совершенства знакомство нужд края и его стремлений; знакомство же это в полной мере доступно лишь тем, которые составляют кровь от крови и плоть от плоти польского народа, которые родились и живут в Польше и в силу этих причин обладают инстинктом понимания национальных и общественных потребностей народа. Ведь основное условие для правительства: быть хорошо и верно осведомленным о состоянии умов управляемого общества; мы все знаем, как война совершенно и полностью опровергла имеющиеся по этому вопросу данные в руках правительства.

Из этого строго логически вытекает, в виде первостепенной и неотложной необходимости, образование особой комиссии по высочайшему назначению, соответственного состава, для выработки плана реформы.

Но впредь до введения в жизнь этой коренной реформы за время войны, в порядке ли верховного управления, или административных распоряжений, возможно значительное улучшение и устранение многих нетерпимых ныне порядков управления, в духе воззвания верховного главнокомандующего. К этим делам, прежде всего, относятся вопросы о народном образовании, о правах польского языка, равно как в виде примера и соответственные назначения на правительственные должности в Царстве Польском, одновременно с отменой всех ограничений в области религиозной, национальной и культурно-общественной жизни,—ограничений, основанных на циркулярных и других видах административных распоряжений подлежащих правительственным органам.

Член государственной думы Гарусевич глубоко убежден, что все это возможно провести немедленно, вполне удобно и исполнимо и принесет громадную пользу во всех отношениях.

Член государственной думы Дымша полагает, что в политике, а равно в деле государственного правления нет

ничего более опасного, как колебание в вопросах перво-степенной важности.

Для всех здесь присутствующих памятно совершенно определенное выступление представителя поляков в историческом заседании государственной думы 26 июля 1914 года, — тогда член думы Яронский заявил, что поляки без колебаний пойдут в этой войне на смертный бой против германизма с русским государством, со всем славянством. Отзвук на такое заявление со стороны поляков последовал сейчас же; верховный главнокомандующий от имени русского государства об'явил 1-го следующего августа воззвание к польскому народу, в котором указывал на осуществление мечтаний отцов и дедов наших, на соединение всех польских земель воедино и обещал, что для поляков скоро настанет день, когда польский народ окажется свободным в своем языке, вере и самоуправлении.

Такие обещания нашли живейший отзвук в сердце всего польского народа, возбудили энтузиазм и готовность неограниченных жертв на общее дело; и действительно, в истекшие 10 месяцев жесточайшей войны поляки несут на всем фронте территориально все тяжести войны в материальных и нравственных страданиях; в безграничном служении общему делу они доказывают на деле, что сделанное им заявление для них не пустые слова, что они твердо уверены в искренности, правдивости и незыблемости полученных от русского государства обещаний.

Между тем, в это тяжелое время со стороны русской власти было сделано весьма мало для того, чтобы дать доказательство не фиктивности, а действительности того лучшего будущего, которое было возведено. Можно смело сказать, что в течение истекших 10 месяцев со стороны русской власти не сделано конкретного шага к тому, чтобы ослабить прежнюю систему управления. Никаких серьезных мер в этом направлении не принято, и поневоле в широких кругах польского народа возникли веские сомнения. Эти сомнения быстро растут, и необходимо поставить им предел путем устранения теперь же, не ожидая окончания войны, важнейших препятствий для национальной свободной жизни польского народа. Такие временные меры не могут не послужить действительным залогом лучшего будущего и дадут твердую опору для спокойствия умов в разграбленном, кровью пропитанном Польском крае.

Для каждого вдумчивого человека ясно, что долженствующее последовать, во имя исполнения воззвания вер-

ховного главнокомандующего, определение будущего государственно-правового положения Царства Польского на началах автономного устройства в неразрывном единении с империей, не может быть осуществлено сейчас же, без зрелой обоюдной подготовки оснований этого устройства; но приступить к этим подготовительным работам необходимо теперь же.

В некоторых кругах пугают правительство, повидимому, предположенные воззванием значительные уступки полякам; противники этого указывают на неминуемое противоречие права законодательного самоопределения с основными законами империи, требующими единства и нераздельности Российской империи.

Однако, в таких утверждениях кроется по меньшей мере существенное недоразумение.

Забывают о важнейшем отрицательном признаке всякой автономной области, а именно, что такие провинции не могут быть в смысле государственного суверенитета самостоятельными, что они должны обязательно входить в состав другого государства, почему всякое противопоставление понятия законодательного самоопределения местности единству и нераздельности государства зиждется на нежелании углубиться в предмет.

По вышеуказанным соображениям Л. К. Дымша всецело поддерживает как заявленную в нашей записке потребность избрания комиссии для предварительной выработки проекта будущего устройства Польского края в пределах Российской империи, а равно необходимость осуществления насущных мероприятий для нормирования местной жизни в духе обещаний верховного главнокомандующего, к числу которых надлежит отнести назначение поляков на должности в крае, от которых они до сих пор систематически отстраняются. Вместе с сим полезно остановиться на тех соображениях, которые при осуществлении удовлетворения вышеуказанных мер прямо диктуются насущными потребностями русского государства.

Многолетним влиянием германизма и германской политики на внутренние и внешние дела Российской империи славянские задачи России оттеснялись последовательно на второй план. Лучшие государственные люди минувшего столетия, самые выдающиеся представители русской общественной мысли не переставали указывать на необходимость стать России во главе славянства и противодействовать замыслам Германии по пути культурного и политического порабощения меньших славянских братьев.

В отдельных случаях пробуждения сознания своей славянской миссии русское государство вело в XIX столетии войны за славянское дело и несло громадные жертвы: за Сербию, Черногорию и Болгарию; но последовательности в этом деле не было, ибо германские влияния мешали ясно и определенно поставить России славянскую проблему, а южное славянство не могло с достаточным доверием отнестись к таким начинаниям России, видя, как одновременно круто проводилась система денационализации поляков внутри государства при одновременном попустительстве к политике Германии, которая совершенно свободно и открыто принудительно вытесняла из исторически насиженных мест западные славянские племена, а в особенности поляков. Только начавшаяся в минувшем году война знаменует собою для России решительный разрыв с Германией и ставит перед нами определенные государственные задачи—объединить под сенью русской дѣржавы все свободные славянские народы и отвоевать вмѣсте со всеми славянскими народами принадлежащее славянству место среди других народов Европы. Но для этого требуется, как неминуемая посылка, удовлетворительное разрешение польско-русского спора. Одно из двух: либо Российская империя, как сильнейшая славянская держава, стремится к объединению всех славян, либо она от этой задачи отказывается.

Думается, что с точки зрения величия и мощи Российской империи, с точки зрения ее мировых задач, сомнений быть не должно, и посему русскому государству в самом непродолжительном времени надлежит обеспечить за поляками их национальную и культурную жизнь на незыблемых основаниях под скипетром русского царя. И для этого серьезных препятствий не имеется. Даже юридически, самый тяжелый период национального гнета в Царстве Польском, с 1863 по 1914 год, не находит себе подтверждения в подлежащих государственных актах 1863 года, изданных в самый трудный момент русско-польского спора. Ведь 31 марта того же 1863 года была об'явлена высочайшая воля: „сохранить и ныне эти учреждения (дарованные Царству Польскому в 1861 и 1862 годах) во всей их силе и приступить после того, как они будут испытаны, к дальнейшему их развитию соответственно нуждам их страны“.

То же повеление высказывается в высочайшем рескрипте наместнику от 19 октября 1863 г., в следующих выражениях: „Когда восстание будет усмирено и когда водворенный порядок позволит вновь приступить к введению тех

установлений, которые нами были дарованы Царству Польскому и приведение в действие которых есть одно из живейших наших желаний, тогда я буду надеяться, что ваше высочество (т.-е. великий князь Константин Николаевич) вновь будете в состоянии принять участие в выполнении наших предначертаний“.

Таким образом, высочайшая воля еще охраняет дарованные Царству Польскому реформы 1861 и 1862 г.г. Акт верховного главнокомандующего обещал полякам свободу в языке, религии и самоуправлении. Насущные интересы русского государства в области славянского мира требуют удовлетворительного и определенного разрешения вопроса о государственно-правовом положении Царства Польского в пределах Российской империи.

Бывший член государственной думы В. Грабский высказал следующие соображения:

Ко всему сказанному я хочу добавить несколько слов о том, как смотрит на будущее Царства Польского простонародие, т.-е. серые массы поляков, крестьян и горожан. Среди этих широких слоев населения еще до воззвания, с самого момента об'явления войны, пробудился сильный вековой инстинкт, свойственный всему польскому народу, борьбы с немцем, как непримиримым врагом польского народа.

Крестьяне для того, чтобы укрепиться в том, как себя держать в первый же момент об'явления войны, советовались у своих старших братьев, поляков же, советовались у помещиков, от которых они раньше, во многих случаях стояли в стороне; они поняли, что наступает час роковой, в котором должна решиться участь поляков на долгие века. Все поляки пошли навстречу требованиям властей при мобилизации не только во имя долга перед государством, но и во имя долга перед будущим Польши,—долга, инстинктивно прочувствованного простонародием, равно как сознаваемого высшими слоями населения.

Только действием этого фактора можно себе об'яснить то, что поляки не только исполнили все требования при мобилизации, но выполнили их особенно поспешно и почти радостно, без проявления печали при разлуках с семьями, без проявления боязни перед последствием войны, которая должна была происходить на их земле. Все жили надеждою, что война принесет польскому народу новую жизнь, воскрешение польского народа, как себе хозяина, благодаря победе России над немцами.

Все это имело место уже до воззвания, которое только и подкрепило веру, что война должна дать полякам действительное народное возрождение. Польское простонародие всегда чувствовало больно свое принижение из-за своей национальности. Оно видело, что немцы, говорящие между собой по-немецки, занимали видные места в русской государственной службе, от которой поляки были устранены. Они винили всегда немцев за то, что русская государственная власть не признавала поляков гражданами первого разряда, и коль скоро война была об'явлена немцам, у простонародия укрепились вера, что Россия будет видеть впредь в поляках братьев, равноправных во всех отношениях.

В этой вере укрепляет поляков русская армия, солдаты и офицеры, которые постоянно утверждают перед населением сел и городов, в которых они проживают, что война идет за то, чтобы воскресить Польшу, соединить ее части и дать ей свободу.

Простонародие не умеет формулировать своих убеждений, однако, оно ясно отдает себе отчет в том, что с этими убеждениями сходится, а что расходится. И для этого простонародия городское и земское самоуправление никогда не явится тем актом возрождения новой жизни польского народа, в который он верит, что оно должно наступить, и что именно Россия его даст, победив врага немца. Самоуправление для массы населения, это — вовсе не те права, которые определены уставами о городском и земском самоуправлении, а то, что всего более понятно для масс: передача в руки поляков, в руки лиц, выходящих из круга же самих поляков, управления краем. Когда поляки сами станут управлять собою и решать свои собственные дела, согласно высочайшей воле монарха, — вот тогда, по убеждению простонародия, наступит осуществление его веры в результат войны, веры, подкрепленной воззванием.

С простонародием я издавна находился в близких отношениях, а особенно теперь мне с ними постоянно приходится иметь дело при оказании помощи пострадавшим от войны. Пострадавшие не жалуются на перенесенные ужасы и постигшие их несчастья. Они верят, что этого требует от них рок ради будущего блага их родины. Но в последние месяцы тяжело смотреть, как рождается в душах простонародия сомнение в том, наступит ли на деле коренное улучшение положения польского народа.

До сих пор не замечается такого изменения в отношении властей к населению, из которого стало бы для населения

ясно, что поляк в Царстве Польском должен быть признан хозяином своей родной земли.

У польского простонародия велико умение ждать без признаков нетерпения, и мне поэтому нетрудно успокаивать их, что после войны все будет, как и должно быть, лишь бы только война прошла хорошо. Но этого радостного, полного глубокой веры настроения, какое было раньше, у польского простонародия теперь уже нет; оно скрылось. Только акт крупной государственной меры мог бы его вызвать снова наружу.

В заключение я считаю своим долгом сказать, как бывший член первой, второй и третьей Государственной Думы, что именно деловая работа в Думе привела меня к заключению, что найти удовлетворение даже самых скромных нужд населения Польши в общегосударственном законодательном учреждении нет почти возможности.

Я поставил себе задачей в Думе способствовать успешному разрешению различного рода общегосударственных вопросов и связать их вместе с тем с благом моей родины. При многих усилиях, при доброжелательном отношении даже некоторых ведомств, мне удавалось очень редко достигнуть чего-нибудь положительного для родного края, так, чтобы польза его была равной с пользами прочих местностей всего государства. Способствуя своим трудом улучшению постановки той или другой отрасли народного хозяйства, я достигал того, что выдвигаемые мною вопросы получали осуществление, но как раз не в моем родном крае, для которого всегда прямое применение общегосударственных законов встречало те или другие затруднения. Когда я формулировал и вносил поправки, с целью именно применения того или другого законопроекта к особенностям Царства Польского, то я встречал возражения, что я моими поправками мешаю успешному прохождению целого законопроекта в его первоначальном виде. Когда я предлагал особые законопроекты для Царства Польского в духе даже об'единения, но выгодного для моего родного края, то и тут я встречал уклонение от рассмотрения их и полное их игнорирование, в виду того, что они несут чисто местный характер. После упорного труда в указанном направлении, накопив опыт по целому ряду поднятых мною дел, из которых немногие лишь получили частичное удовлетворение, я решил, что в четвертую Думу мне не следует идти, помимо единодушного желания выборщиков, так как я не видел возможности в общегосударственном законодательном

учреждении разрешить благополучно хозяйственные и культурные нужды края, стоя на чисто деловой точке зрения.

И так равно инстинкт масс польского населения, как и деловой опыт, указывает мне, что не городское и земское управление, а более широкие реформы необходимы для того, чтобы польский народ мог спокойно развиваться в русском государстве.

Эти реформы должны дать возможность полякам почувствовать, что они хозяева края во всем, что касается их культуры и благоденствия, и что русская государственность способна создать такого рода рамки для действительно широкого самоуправления поляков, в которых успехи их национального развития и совершенствования будут зависеть от них же самих.

Эти реформы должны в Царстве Польском распространить основное понятие о самоуправлении на все то, что касается культуры и краевого хозяйства, так, чтобы все вопросы культурного и хозяйственного значения Царства Польского могли решаться в законодательном порядке отдельно для этого края, с предоставлением отдельных средств и отдельных органов исполнения.

В конце заседания граф С. И. Велепольский обратился к председателю совета министров с просьбой повергнуть пред его величеством государем императором чувства глубокой благодарности и верноподданнической преданности от имени всех участников совещания поляков.
